

Славяноведение, 2025, № 2, с. 111–118

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2025, No. 2, pp. 111–118

DOI: 10.31857/S0869544X25020108, EDN: IYHXZZ

Оригинальная статья / Original Article

Аксиологический аспект низшей мифологии славян

© 2025 г. М.М. Валенцова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

mvalent@mail.ru

Аннотация. Статья написана к юбилею доктора филологических наук Ирины Александровны Седаковой. В ней затрагивается одна из любимых тем юбиляра — аксиология, т.е. наука об оценках и ценностях. Материалом для исследования служит низшая мифология славян. Тезисно намечены те области в народной демонологии, по которым можно судить о ценностях и принципах оценки окружающего мира и людей (через призму мифологических персонажей и мотивов мифологической прозы) у славян. Неизбежно затронут вопрос аксиологических различий язычества и христианства. Если последнему свойственны бинарные противопоставления добра и зла, то для народной мифологии характерной оказывается амбивалентность и даже мультивалентность. Различаются и ценности в обеих мировоззренческих системах. Для народной демонологии это, в основном, личностные и социальные ценности: природа, выживаемость, урожай, богатство, сила, умения, и т.п. Приводимые в статье примеры мифологических рассказов демонстрируют, с одной стороны, амбивалентность оценок, а с другой — присутствие отличных от современных оценок (например, опасность чужого этноса), или неактуальных ценностей (например, выживаемость).

Ключевые слова: этнолингвистика, аксиология, народная демонология, христианство, былички, мифологические персонажи.

Ссылка для цитирования: Валенцова М.М. Аксиологический аспект низшей мифологии славян // *Славяноведение*. 2025. № 2. С. 111–118. DOI: 10.31857/S0869544X25020108, EDN: IYHXZZ

Axiological Aspect of Slavic Lower Mythology

©2025. Marina M. Valentsova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

mvalent@mail.ru

Abstract. This article was written for the jubilee of Irina Aleksandrovna Sedakova, DrSc of Philology. It touches upon one of the jubilee's favourite topics — axiology, i.e. the science of evaluations and values. The material for the study is the lower mythology of the Slavs. The study briefly outlines those areas in folk demonology, with which

one can judge about the values and principles of evaluation of the surrounding world and people (through the prism of mythological characters and motifs of mythological prose) in the Slavs. The question of axiological differences between paganism and Christianity is inevitably touched upon. While the latter is characterised by binary oppositions of good and evil, folk mythology is characterised by ambivalence and even multivalence. The values in both worldview systems are also different. For folk demonology these are mainly personal and social values: survival, harvest, wealth, power, strength, skills, nature, etc. The examples of mythological stories given in the article demonstrate, on the one hand, the ambivalence of evaluations, and on the other hand, the presence of different from modern ones evaluations (e.g. the danger of alien ethnicity), or outdated values (e.g. survivability).

Keywords: ethnolinguistics, axiology, folk demonology, christianity, mythological narratives, mythological personages.

For citation: Marina M. Valentsova. Axiological Aspect of Slavic Lower Mythology // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2025. No. 2. P. 111–118. DOI: 10.31857/S0869544X25020108, EDN: IYHXZZ

В научном творчестве Ирины Александровны Седаковой есть темы, к которым она постоянно возвращается, которые разрабатывает на новом материале, расширяет аспекты их рассмотрения. К таким темам, без сомнения, относится аксиология, или теория ценностей, т.е. принятая определенным обществом система оценок и ценностей. С конца 1990-х годов (статья, посвященная аксиологическому осмыслению рекламы), вплоть до недавнего времени, когда Ирина Александровна руководила международным проектом «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире» (2018–2019 гг.), ею написано более 20 работ¹ по этой тематике. В них исследовались ценности разного порядка: традиционные (*жизнь, семья, старость*, понятия *легкий и тяжелый*) и нетрадиционные (*карьера, самореализация, лидерство*), аксиология *негативного*, система ценностных парадигм и их смена в эпоху перелома в России (концепты *честность* и *свобода*), методы и стратегии изучения ценностей. Материалом для анализа служили народная культура славян, культура старообрядцев, литературные произведения, реклама, язык СМИ и Интернета.

Поздравляя юбиляра, хочется обратиться к ее любимой теме, тем более что, насколько мне известно, вопросы ценностей в низшей мифологии славян специально не исследовались. Между тем народная мифология как дохристианское мировоззрение, выполняющее в традиционном обществе также функции философии, религии и науки, имеет непосредственное отношение к формированию и поддержанию норм и ценностных ориентиров социума, будь то род, племя, народ, нация. Более того, будучи обращенной ко всему социуму, начиная с детей самого раннего возраста, народная мифология воспитывает новых членов этого социума в определенной системе ценностей и понятий.

Говоря о низшей мифологии славян, мы имеем в виду реликты языческих представлений о мире и человеке, которые с принятием христианства не исчезли. Они сохранились, несмотря на то что при переходе к новой религии не только низвергались языческие боги, но и происходил слом языческой системы ценностей, проявленной в представлениях, верованиях, обрядах,

¹ См. электронное издание «Славянская этнолингвистика. Библиография», https://inslav.ru/sites/default/files/2023etnolingvisty_2023.pdf

персонажах и т.п.; несмотря на то что все языческое объявлялось ошибочным, греховным, порочным, демоническим, бесовским. В результате борьбы старого и нового мировоззрения возникло «двоеверие», о котором Н.И. Толстой писал, что оно оказалось «адаптацией язычества по отношению к христианству, подчинением его дихотомической корреляции плюс — минус (добро — зло), в которой прежней языческой вере предоставлялось место преимущественно со знаком “минус”» [Толстой 1995, 265].

Многовековая борьба христианства с остатками язычества заметно потеснила, но не уничтожила народную демонологию. Даже со знаком «минус» она сохранилась и по сей день играет важную роль в формировании традиционного мировоззрения, т.е. в представлениях о мире и месте человека в этом мире. Народная культура в целом антропоцентрична², что делает и мифологию как ее часть неизбежно оценочной, потому что объективно в природе нет ничего хорошего и плохого: оценка привносится человеком, существует только для человека и в его системе ценностей. Безусловно, часть дохристианских представлений была трансформирована и вовлекалась в орбиту христианских ценностей, обновился и обогатился персонажный ряд, в названиях демонов появились имена христианских святых и т.п.

По сравнению с христианством, где превалирует система аксиологических оппозиций (добро — зло, хороший — плохой, грешный — праведный, божеский — бесовский и т.п.), в народной демонологии преобладают амбивалентные **оценки**. С одной стороны, при понимании мира как единого и синкретичного, мира как целостного организма, в нем не может быть ничего хорошего или дурного, так же как нет плохих и хороших органов в теле человека. С другой — одно и то же событие, персонаж, слово могут оцениваться по-положительно, то отрицательно разными людьми в разных условиях и в разное время (ср. амбивалентность в пословицах: «Не было бы счастья, да несчастье помогло», «Что русскому здорово, то немцу смерть» и др.). Иными словами, амбивалентность и даже мультивалентность значений мифологических категорий — это результат множественности ситуаций и множественности разных точек зрения при их оценке.

В демонологических поверьях и нарративах основой оценки фактов как благоприятных или неблагоприятных для человека или социума является поведение самого человека (поведение как физическое, так и ментальное и эмоциональное). Примеров много, приведу лишь некоторые.

1. Трудолюбие, хозяйственность — безусловная положительная ценность для традиционного общества; однако если женщина излишне трудолюбива, прядет, ткёт, золит и т.п., не соблюдая праздников и запретных дней, то ее действия расцениваются как жадность, желание получить больше, чем другие, используя для работы дополнительное время праздников и других запретных для работы дней. За это ее и наказывают мифологические персонажи — св. Неделя, св. Пятница, св. Люция, св. Варвара, Перехта и т.п., которые приносят болезни, неудачи (у пряхи гноятся пальцы, болит голова, женщина ошибается при тканье, получает ожоги при золении полотна), задают невыполнимый объем работы (например, напярсть за вечер 12 веретен), угрожают распороть живот, сварить в кипятке и т.п.

2. Демон-обогатитель, известный разным славянским традициям в разных ипостасях (огненного змея, мокрого цыпленка, маленького человечка), специально магически «выводится» (например, из яйца черного петуха) для

² См., например, сборник [Антропоцентризм 2017].

увеличения благ: приносит хозяину зерно, молоко, деньги, т.е. является абсолютной положительной ценностью. Однако он становится смертельно опасным (может задушить хозяина, поджечь дом), если хозяин не даст ему работы, если не накормит кашей, если предложит соленую еду и т.п. Надо отметить, что идея обогащения и сама оценивается двояко: положительно для хозяина демона и отрицательно для других членов социума. В социальную антиценность ее превратил именно способ приобретения богатства — за счет других («змок», «шкряток» и подобные «обогащители» крадут блага у односельчан), и мера полученного богатства — больше, чем необходимо, что и считается жадностью.

3. Тенденция к амбивалентности распространяется и на христианские концепты, вовлеченные в народную демонологию. Например, общеизвестно, что молитва, крест и другие церковные реалии защищают людей при встрече с нечистой силой; однако в ряде западнославянских традиций при ночной встрече с «блуждающими огоньками» (светящимися душами «заложных» покойников) для избавления от них рекомендовалось не молиться, а ругаться. Объяснялось это тем, что молитва привлекала отбывающие наказание души, которые роem окружали человека и просили вымолить им прощение, а от бранящегося «огоньки» улетали прочь.

Больше всего мифологических назидательных и «оценочных» сюжетов содержится в быличках, но немало их и в поверьях. Чаще всего поверья закрепляют в сознании людей запреты, маркирующие то, что опасно для жизни и здоровья (отрицательные образцы поведения): нельзя оставлять младенца без присмотра, иначе его подменит нечистая сила (дикие лесные, полевые, водяные персонажи, ведьма, черт); нельзя отвечать голосам, зовущим тебя по имени — иначе заболеешь или умрешь; нельзя подражать голосам и песням лесных дев (вил, русалок), иначе они закружат и разорвут человека на части; под землей горнякам запрещалось мочиться, кричать, иначе накажут подземные духи. В «назидательных» песнях лесных дев даются прямые рекомендации из их «секретной» информации: не мой ногу об ногу, не просеивай муку прямо в дежу, не клади ложку выемкой вверх, не пей из посуды через край, не пей, наклонившись, прямо из источника и т.п. В данном случае обыденная информация подается как сакральная и тем самым приобретает большую ценность и психологическое воздействие. Среди поверий есть и «предписания», т.е. положительные модели, которые необходимо соблюдать, чтобы не навредила нечистая сила: когда идешь в лес, надо оставлять на пеньке гостинцы для лешего; приносить угощение подземным гномам и жертвовать им одежду; когда идешь купаться летом, произносить заговор, бросить камешек в воду; употреблять в пищу лук и чеснок, траву бедренец (или лекарственные растения), чтобы быть здоровым, и под.

Как показывают примеры, способы коммуникации со сверхъестественным те же, что и между людьми: за дурные поступки ждут наказания, за хорошие — помощь и подарки. Таким образом демонологические сюжеты подкрепляют или даже формируют систему ценностей, в эмоциональной форме показывая, что делать хорошо, можно и необходимо, а чего нельзя, стыдно и опасно.

Если говорить о **ценностях**, представленных в низшей мифологии (демонологии) славян, то нельзя не заметить, что они преимущественно личностные, человеческие, или родовые, этнические. Среди них, например, природа (уважительное и бережное отношение к ней), взаимопомощь (по отношению к людям, растениям, животным и даже мифологическим персонажам), милосердие, жертвенность и готовность делиться, соблюдение законов и правил

общежития. Здесь нет ценностей более высокого порядка — патриотизма, свободы, равенства, что и понятно, поскольку мифологические представления формировались в период догосударственной истории. Среди отрицательных ценностей — отказ от соблюдения традиции, жадность, зависть, пьянство, воровство, лень, злоба, стяжание, а также христианские антиценности: отказ от Бога, от добродетели, пренебрежение к христианским символам.

Представления о традиционных ценностях также можно найти в быличках. Например, у русских домового благоприятствует семье (сохраняет урожай, укачивает детей, предупреждает о несчастье), только если между домочадцами лад. Моравский *lesní muž* помогает в охоте и рыбной ловле жителям села, зная, что они бедные; но злым бабам он часто садится на вязанку хвороста, чтобы они чаще останавливались на отдых и оглядывались. В разных славянских традициях водяной топит человека пьяного или тоскующего. В чешской быличке водяной *hastroman* вообще действует как блюститель морали: рассказывали, что он умел колдовать и любил превращать людей в разных животных и предметы, например, в лягушку, птичку крапивника с громким голосом, осла, верблюда, в корзину, наковальню и др. Но, по поверьям, он мог превратить только тех, кто хоть раз в жизни умышленно солгал, тем же, кто не лгал, он навредить не мог [Košťál 1892, 55]. По рассказам словаков, вилы уносят по воздуху далеко от дома человека, который за ними подсматривал или над ними насмехался. Мифологические персонажи (королева змей, водяной, вила, дикие лесные жители) одаривают людей за оказанную им помощь и услуги. Например, если человек по просьбе «дивожёнки» мастерит ей метлу или совок, переносит ее через забор или канаву; или если женщина накрывает детей русалки платком, дает рожавшей змею хлеба, если девушка расчесывает виле волосы или танцует с нею; если женщина принимает роды у жены водяного, и т.п. Награда мифологических персонажей всегда магическая — это некончающиеся рулон полотна или хлеб, сухие листья или стружки, превращающиеся позже в золото, золотая корона царицы змей.

Основные ценности неизменны в человеческом обществе, многие из них характерны и для христианского учения, известны они и в современном мире. Но есть в народной мифологии и такие естественные для патриархального уклада ценности, которые отчасти «преодолены» культурой, уровнем жизни, достатком. Прежде всего, это ценность **выживания**. Под этим термином я понимаю не только жизнь как таковую в противоположность смерти, но жизнь полноценную, в процессе которой возможно развитие и размножение. Принятие этой ценности в традиционном обществе логически ведет к тому, что традиция оправдывает избавление матерей от детей-уродов, которые, по описаниям, не растут, не начинают ходить и говорить, а только много едят и страшно кричат. Это дети, которые никогда не вырастают в полноценных взрослых, но требуют постоянной заботы и пропитания. Основанием для «избавления» от них служит признание их детьми нечистой силы, подброшенными «мамунами», «богинками», водяным, ведьмой и др. Поскольку это не люди, а демоны, санкционировались магические действия, по поверьям, заставляющие демонических существ забрать своих уродцев и вернуть людям их нормальных детей («подкидышей»/«подменышей» били прутьями на навозной куче, бросали в воду, в болото и под.).

Еще один пример, демонстрирующий ценность выживания, т.е. защиту существования, но уже не семьи, а собственного социума — **мотив борьбы** атмосферных демонов. Южные славяне верили, что во время бури в небе борются погодные демоны — свой и чужой «змай», «временяк», «обилняк» и другие

воздушные персонажи, а на угожьях того, кто проиграет, выпадет град и уничтожит урожай, что грозит голодом и смертью целому селу. Правда, есть и более «милосердные» сюжеты, видимо, более поздние. В них действует колдун, чернокнижник, «градобурник», который отгоняет градовые тучи или приказывает демоническим душам, ведущим эти тучи, отвести их от людей, высыпать град в пустые горы, в леса, в канаву, в реку и т.п.

Второй пример ценности, попытка преодоления которой сделана современным обществом, это осторожное **отношение к чужому** социуму ради сохранения своего рода и народа, их консолидации на основе собственных традиций. Вопрос «свой – чужой» уже подробно изучался, в частности, в этнолингвистическом ключе о нем писала О.В. Белова³. Добавлю лишь примеры из демонологии, которые тоже уже хорошо известны, правда, не в аксиологическом контексте. Это оценка «чужих» как опасных. Например, названия огромных и страшных великанов отсылают к названиям чужих этносов – греков, латинян, римлян, евреев, венгров, влахов, татар, турок, шведов и др. (болг. *елини, латиняни*, словен. *grk, rimska deklica, lah*, бел. *шведи*, рус. *чудь* и мн. др.).

Часто поверья наделяют «чужие» (обычно соседние) народы большим количеством сильных колдунов и ведьм (это тенденция замечена не только в славянских традициях, но и, например, в скандинавских). Например, русские верили, что колдуны сильнее и их больше (или просто много) на чужой территории, в чужом социуме – начиная от соседней деревни или района и кончая другим народом [Знатки 2012, 13; Щепанская 2003 и др.]. Польские гурали считали, что способность отбирать у чужих коров молоко хоть и имели все «бачи»-колдуны, но их больше по другую сторону Татр, т.е. у словаков [Rak 2016, 309]. Видимо, к действию этой же тенденции следует отнести большое количество наименований страшных мифологических персонажей заимствованными словами или демононимами чужой традиции: словац. *šarkan, bosorka, striga*, серб. *аждаја, аждарха*, чеш. *hastřman, Rybrčoul*, болг. *стихя, кандзо, описници, караконджул* и под. Чужое в демонологии предстает не только более страшным, но и более опасным, потому что оно неизвестно, и этот отрицательный образец закладывался в познавательном поле индивидуума, начиная с детского возраста.

Народная демонология в том виде, в каком она дошла до наших дней, содержит немало **христианских элементов** – начиная от мотивов быличек и кончая терминологией мифологических персонажей (см. [Валенцова 2024]), несущих соответствующие оценки. Например, у поляков водяной (*topielec*) был особенно опасен для тех, кто не молился или не ходил в костел. Происхождение многих демонов связано с нарушением христианских обрядов (крещения, отпевания, похорон) или морали: это неупокоенные души, происходящие от некрещеных младенцев (видимо, дохристианский акцент делался на отсутствии имени) и другие нечистые покойники, застрявшие между небом и землей из-за своих грехов. Немало в славянской демононимии христианских имен, которые обозначают различных мифологических персонажей: чертей, нечистых покойников, болезни: карп.-укр. *саломонар* ‘градовник, дух, насылающий град, чернокнижник’; рус. *иродиады* ‘лихорадки’, хорв. далм. *Ирудица (Рудица)* ‘предводительница градоносных облаков’ и др.

Наибольшее количество оценочных названий в русле христианской аксиологии имеет черт, на образ которого значительно повлияла церковь. Это безусловное зло, он называется нечистым (рус. *нечистый, неумытик*, бел. *нячысік*),

³ См. литературу в указанной выше библиографии «Славянская этнолингвистика. Библиография».

врагом (рус. *враг*, *вражья сила*, чеш. *vrag*), плохим и окаянным (рус. *проклятый*, *окаянный*, укр. *поганий*, *дурный*, бел. *lixi*), злым, недобрым (бел. *нядобрык*, чеш. *zlý*, словен. *zli duh*), черным (рус. *черный*, пол. *czarny*, *smółka*, серб. *црни ѓаво*, хорв. *они чорни*, *враић*), жителем Ада (пол. *pieklorz*, словац. *pekelník*, словен. *peklenšček*) и т.п. При этом в народной традиции изредка эта категоричность снимается: черт может быть и безвредным, и даже помощником для людей: пол. *belón*, *beloń*, пол. кашуб. *Bãłi djãbeł*.

Христианская аксиология распространяет отрицательную оценку и соответствующие номинации и на других персонажей народной демонологии, которые начинают пониматься как исключительно отрицательные и враждебные. Многие изначально безвредные или полезные духи стали называться «чертями» и перешли в разряд демонов, например: домашние духи-обогатители (чеш. *díblík*, луж. *špilitus*, укр. *чорт*), лесные (пол. *diablica*, *zły duch*), водяные духи (пол. *diabeł wodny*, рус. *чортух*, *сатана*, *враг*, *водяной чертышко*, серб. *водени ѓаво*, *нечастиви*, *дабо*), и другие демоны.

Но даже в этих «отрицательных» наименованиях традиционной народной демонологии появляются оценочные деминутивные суффиксы, свойственные народной речи: *díblík*, *чертышко*, *вражонок*, что может свидетельствовать как о задабривающем значении имени, так и о небольшой вредоносности таких персонажей. Вообще умиляющие имена характерны, прежде всего, для названий болезней: болг. *сладки*, *медени*, *благ*, *здравичките*, рус. *добруха*, *кумаха*, пол. *niewiasta*, к этому же эмоциональному регистру относится название их тетками, сестрами, матушками (т.е. родственниками). Изредка задабривающие имена давались и персонажам других групп, например, болг. *меденкото*, *лелинкото* ‘заложный покойник’.

Демонимы отражают народное восприятие мифологических персонажей как добрых и злых, нейтральных и страшных, как демонов-помощников, демонов-искусителей, демонов-защитников, демонов-дарителей⁴, и т.п. Л.Н. Виноградова в одной из своих статей заметила, что «на это почти безграничное множество демонических и полудемонических существ не нашлось пока своего Линнея с его четкой бинарной номенклатурой» [Виноградова 2016, 309]. Вероятно, и не найдется, и именно потому, что народная демонология не укладывается в бинарные схемы. Оценка персонажей и их функций, как показывает материал, лабильна, условна и индивидуальна.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Славянская этнолингвистика. Библиография. М.: Индрик, электронное издание, https://inslav.ru/sites/default/files/2023etnolingvist_2023.pdf

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антропоцентризм в языке и культуре. М.: Индрик, 2017. 264 с.

Валенцова М.М. Мифологические персонажи — «помощники» и «дарители» // Тезисы докладов Третьей научной конференции «Демонология как семиотическая система». Москва, РГГУ, 15–17 мая 2014. М.: РГГУ, 2014. С. 26–29.

Валенцова М.М. Христианские элементы в народной демонологии славян // *Slavica Slovaca*. 59. 2024. No. 2. Рр. 361–370.

Виноградова Л.Н. Перспективен ли оценочный признак *добрый* / *злой* для классификации демонологических персонажей? // In Umbra. Демонология как семиотическая система. Альманах. Вып. 5 / отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. М.: Индрик, 2016. С. 309–332.

⁴ См., например, [Валенцова 2014].

- Знатки, ведуны и чернокнижники. Колдовство и бытовая магия на Русском Севере / под ред. А.Б. Мороза. М.: Форум; Неолит, 2012. 592 с.
- Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.
- Щепанская Т.Б. Власть пришельца: атрибуты странника в мужской магии русских // Символы и атрибуты власти. Генезис. Семантика. Функции. СПб.: МАЭ, 1996. С. 72–101.
- Košťál J. Vodník v podání lidu českého // Český lid 1. 1892. S. 52–58.
- Rak M. Materiały do etnografii Podhala. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 2016. 443 s.

Рукопись поступила в редакцию 23.11.2024

Рукопись принята к печати 05.12.2024

REFERENCES

- Antropotsentrizm v iazyke i kul'ture*. Moscow, Indrik Publ., 2017, 264 p. (In Russ.)
- Košťál J. Vodník v podání lidu českého. *Český lid* 1, 1892, pp. 52–58. (In Czech)
- Rak M. *Materiały do etnografii Podhala*. Kraków, Uniwersytet Jagielloński, 2016, 443 p.
- Shchepanskaia T.B. Vlast' prishel'tsa: atributy strannika v muzhskoi magii russkikh. *Simvol'y i atributy vlasti. Genezis. Semantika. Funktsii*. St. Petersburg, MAE Publ., 1996, pp. 72–101. (In Russ.)
- Tolstoi N.I. *Iazyk i narodnaia kul'tura. Ocherki po slavianskoi mifologii i etnolingvistikke*. Moscow, Indrik Publ., 1995, 512 p. (In Russ.)
- Valentsova M.M. Mifologicheskije personazhi — «pomoshchniki» i «dariteli». *Tezisy dokladov Tret'jej nauchnoi konferentsii «Demonologija kak semioticheskaja sistema»*. Moskva, RGGU, 15–17 maia 2014. Moscow, RGGU Publ., 2014, pp. 26–29. (In Russ.)
- Valentsova M.M. Khristianskije elementy v narodnoi demonologii slavian. *Slavica Slovaca*, 59, 2024, no. 2, pp. 361–370. (In Russ.)
- Vinogradova L.N. Perspektiven li otsenochnyi priznak *dobryi / zloi* dlja klassifikatsiii demonologicheskikh personazhei? In *Umbra. Demonologija kak semioticheskaja sistema. Al'manakh*, vyp. 5, otv. red. i sost. D.I. Antonov, O.B. Khristoforova. Moscow, Indrik Publ., 2016, pp. 309–332. (In Russ.)
- Znatki, veduny i chernoknizhniki. Koldovstvo i bytovaia magiia na Russkom Severe*, pod red. A.B. Moroz. Moscow, Forum; Neolit Publ., 2012, 592 p. (In Russ.)

Received on 23.11.2024

Accepted on 05.12.2024

Информация об авторе:

Валенцова Марина Михайловна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-6541-4269
E-mail: mvalent@mail.ru

Information about the author:

Marina M. Valentsova
PhD (Philology),
Senior Research Fellow
Institute of Slavic studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-6541-4269
E-mail: mvalent@mail.ru